

ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО

УДК 821.133.1: 82.091: 821.161. 1

ВАЛЕНТИНА МАЦАПУРА

(Полтава)

П. МЕРИМЕ КАК РЕЦИПИЕНТ И ИНТЕРПРЕТАТОР ТВОРЧЕСТВА Н. ГОГОЛЯ

Ключові слова: *нарис, рецепція, інтерпретація, повість, комедія, поема.*

Интерес Мериме к русской культуре имел разные формы выражения. Он проявился на уровне контактных и типологических взаимосвязей. Известно, что писатель изучил русский язык и читал в оригинале произведения многих русских писателей, в частности А. С. Пушкина и И. С. Тургенева. Он был лично знаком с Е. А. Баратынским, А. И. Тургеневым, Н. И. Тургеневым, С. А. Соболевским. История дружбы Мериме с И. С. Тургеневым, их творческие контакты – обширная тема, которая заслуживает отдельного исследования. Об интересе Мериме к русской литературе красноречиво свидетельствуют его переводы на французский язык произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и И. С. Тургенева, а также его переписка и статьи о русских классиках, в которых французский писатель выступил в нескольких амплуа – как реципиент, критик и литературовед-исследователь. Следует заметить, что темы «Пушкин в рецепции Мериме», «Тургенев и Мериме» освещены более детально и скрупулёзно, нежели затронутая нами проблема.

Во Франции интерес к творчеству Гоголя усилился после появления в 1845 году сборника его повестей во французских переводах Луи Виардо, куда вошли повести «Тарас Бульба», «Вий», «Записки сумасшедшего», «Старосветские помещики», «Коляска».

Очерк П. Мериме «Николай Гоголь (“Русские повести”. “Мертвые души”. “Ревизор”))» был опубликован при жизни русского писателя, в ноябре 1851 г., в журнале «Ревю де дё монд». Обращение Мериме к творчеству Гоголя заслуживает внимания по многим причинам. Указанная работа не вошла в собрания сочинений Мериме, изданные на русском языке, в отличие от других его очерков, например о Пушкине и Тургеневе. По сути, её публикация в 1958 году в составе небольшой брошюры под названием «Статьи о русских писателях» [5] является редким изданием. Вышеуказанная статья Мериме – один из немногих примеров прижизненной рецепции Гоголя в зарубежной критике. В ней Мериме высказал своё мнение о Гоголе при жизни писателя как его современник и как представитель иной культуры. Его статья «Николай Гоголь» была опубликована на семнадцать лет раньше, чем статья «Александр Пушкин» (1868). Однако её целесообразно учитывать,

рассматривая интерес писателя к русской культуре, поскольку Мериме читал Гоголя и писал о нём в тот период, когда уже был хорошо знаком с пушкинскими текстами. Попытаемся доказать, что знакомство с произведениями Пушкина, а также собственные представления Мериме о литературном творчестве повлияли на его рецепцию гоголевских произведений.

В критическом и научном восприятии очерка Мериме о Гоголе существует много стереотипов. Рассматриваемая работа французского писателя стала поводом для журнальной полемики в России. Статьи о ней появились на страницах «Москвитянина», «Современника», «Библиотеки для чтения». Так, статья знаменитого француза не понравилась А. А. Григорьеву, который откликнулся на неё сразу же, опубликовав свой отзыв в «Москвитянин» в 1851 году. Критик надеялся, что Мериме «скажет несколько дельных слов о нашем первом современном поэте», но, ознакомившись с его очерком, пришёл к выводу, что он не понял Гоголя или слишком поверхностно прочитал его [7, с. 106]. Такое резкое суждение, прозвучавшее из уст истинного поклонника Гоголя, можно понять, ведь для самого А. Григорьева Гоголь – «святыня», которой он служит «с фанатическим идолопоклонством». Об этом А. Григорьев пишет в письме к М. П. Погодину от 14 декабря 1851 г. [7, с. 112].

Ознакомившись со статьёй Мериме, И. И. Панаев также подчеркнул, что тот «ни на волос не понял Гоголя», хотя в конце и выразил мысль, что рад её появлению, несмотря на её недостатки. Более сдержанным в оценках очерка Мериме был А. В. Дружинин, опубликовавший статью в «Библиотеке для чтения» в 1852 году. Вступив в полемику с А. Григорьевым, он напомнил, что даже среди русских «нет двадцати человек, смотрящих на «Мертвые души» с одной и той же точки зрения, то почему же требовать, чтобы Мериме пошёл далее нас?» [7, с. 116]. Полностью поддержал Мериме только Ф. В. Булгарин («Северная пчела», 19 апреля 1852 г.). Анализируя позицию Ф. Булгарина в этом вопросе, А. Д. Михайлов указывает, что критик использует статью Мериме о Гоголе в борьбе против русского писателя и его натуральной школы [7, с. 16]. А В. Луков, подводя итоги всей полемики, также указывает, что она вращалась вокруг борьбы за гоголевскую «натуральную школу» или против неё [4].

Примечательно, что Гоголь для Мериме – прежде всего юморист, яркий сатирик и вместе с тем «хороший наблюдатель», «художник нравов» [5, с. 3, 4]. Высоко оценивая мастерство Гоголя-юмориста, критик отмечает, что «только малораспространенный язык, на котором он пишет, мешает ему достигнуть в Европе славы лучших английских юмористов» [5, с. 3]. И если русскоязычному читателю язык произведений Гоголя был вполне понятен, несмотря на значительное количество украинизмов, встречающихся в его ранней прозе, то Мериме воспринял этот язык как не вполне русский, что вполне закономерно.

Французский писатель отмечает мастерство Гоголя в изображении деталей и характеров. «Как художник нравов г. Гоголь изощряется в описании обыденного. Он подобен Теньеру и Калло», – пишет Мериме [5, с. 4]. Таким образом, сравнивая Гоголя с фламандским художником Теньером (Тенирсом Давидом Младшим), а также французским гравёром и рисовальщиком

Жаком Калло, критик «вписывает» его творчество в новый для русского читателя культурологический контекст. Оба художника, Теньер и Калло, жили в 17 веке, для их рисунков характерна меткость наблюдения и точность деталей, хотя каждый из них имел свои особенности. Теньер рисовал сцены из деревенской жизни, интерьеры, пейзажи, а Калло, повлиявший на творческую манеру Гофмана, был мастером гротескных рисунков. Однако этот сопоставительный ряд не понравился А. Григорьеву. «...Почему художник, создающий личности так, что вы с этими личностями знакомы, – сходен только с Теньером и Калло?» – возмущался критик [7, с. 107].

Сегодня очевидно, что Мериме, человек энциклопедических знаний, проводит подобные сопоставления не случайно, что в каждом отдельном случае для них есть основания. Мериме как реципиент творчества Гоголя имел право на такие сопоставления. Сравнивая Гоголя с Теньером и Калло, критик подчёркивал особое отношение художников к изображаемому. Известно, что портреты Теньера пронизаны скрытой иронией, а Калло умело сочетал на своих полотнах фантастику и реальность. И та, и другая манера свойственна словесным описаниям Гоголя, особенно его портретам.

Композиция произведений Мериме характеризуется строгой взвешенностью и продуманностью. В творчестве Пушкина писатель высоко ценил свойственный ему лаконизм, умение передавать самое главное и отсутствие претензий на внешнюю красоту. Оценивая особенности построения гоголевских произведений, Мериме отмечает, что в них нет плана, что «тонко написанные сцены плохо связаны друг с другом», что Гоголь не заботится о «правдоподобию общей композиции» своих произведений [5, с. 4]. Указанные высказывания критика представляются несправедливыми. По сути, Мериме подходит к оценке творчества Гоголя с мерками той художественной системы, представителем которой он являлся: он смотрит на романтика глазами реалиста. Кроме того, у Гоголя и Мериме совершенно разные стили и принципы отображения действительности. В отличие от Гоголя фразы Мериме, как и язык Пушкина, отличаются лаконизмом, в них нет ничего лишнего.

Отталкиваясь от зрелой прозы Гоголя и его комедии «Ревизор», Мериме высказывает своё суждение о гоголевских героях и созданном писателем образе Руси. «Если судить о России <...> по картинам, нарисованным Гоголем, то создаётся ужасное впечатление. Он показывает нам либо дураков, либо заставляет любоваться негодями, заслуживающими лишь петлю», – пишет критик [5, с. 5]. Он сравнивает сатиру Гоголя с сатирой Аристофана, замечая при этом, что греческий сатирик не смог помешать нам любить Афины эпохи Перикла. Но ведь Гоголь, как и другие сатирики, изображал недостатки своих героев и несовершенство общественной жизни с одной целью – сделать жизнь лучше. В подтексте многих его произведений, например в повестях «Шинель», «Записки сумасшедшего», содержится непрямая проповедь любви к ближнему, а во многих лирических отступлениях поэмы «Мертвые души» автор открыто выражает свою любовь к России. А. А. Григорьев был прав, когда, не соглашаясь с Мериме в оценке Гоголя-сатирика, напоминает о том, что у писателя есть «незримые миру слёзы», которые составляют высокий пафос «Ревизора» и «Мертвых душ», есть и тоска по

идеалу, «незримое присутствие идеала среди Ноздревых, Собакевичей, Маниловых и прокуроров» [7, с. 106–107]. Итак, для Мериме Гоголь – прежде всего сатирик, а для А. Григорьева он – «поэт». Это слово критик повторяет неоднократно, и здесь, очевидно, имеется в виду сокращённая формула В. Г. Белинского, который писал, что Гоголь – «поэт жизни действительной».

Мериме «вписывает» Гоголя в такой литературный контекст, который в то время показался спорным для многих его современников. Например, он сравнивает Гоголя с Рабле, Бальзаком, Стерном, Вальтером Скоттом, Шамиссо и Гофманом. Сравнение Гоголя с Рабле, которое проводит критик, представляется довольно интересным, ведь Мериме назвал Рабле одним из «учителей» Гоголя задолго до появления работы М. М. Бахтина «Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)». А вот А. А. Григорьеву такое сравнение показалось странным, как и сравнение Гоголя с Бальзаком. Сегодня подобные сопоставления не кажутся неправдоподобными, учитывая то, что типологический подход даёт возможность сравнивать не только близкие, но и отдалённые в художественном плане явления. Мериме высказывает предположение, что на творчество Гоголя возможно оказали влияние произведения Бальзака, и указывает на одну из точек соприкосновения между художественными системами писателей – оба часто выбирали своих героев из провинции. В настоящее время можно проводить более широкие параллели между творчеством писателей, сравнивая стремление Бальзака охватить жизнь всей Франции в его «Человеческой комедии» с желанием Гоголя показать хотя бы «с одного боку», но «всю Русь» в поэме «Мертвые души». Правомерно также сопоставление созданных ими образов скупцов – Гобсека и Плюшкина и т. д.

Известные литературоведы неоднократно обращали внимание на факторы и явления, сближающие творчество Бальзака и Гоголя. «Так, Гоголь и Гофман, Бальзак и Достоевский – по своим описательным приёмам натуралисты, по движению мысли фантазеры...» – пишет Б. А. Грифцов в статье «Гений Бальзака» [3]. По мнению Н. Я. Берковского, Гоголь – реалист романтической эпохи: «Реализм Гоголя и Бальзака <...> питался высокой культурой романтизма» [1]. Влияние В. Скотта и Гофмана на творчество Гоголя не требует доказательств, оно рассмотрено в большом количестве исследований, поэтому мы не будем останавливаться на этом вопросе.

Французский писатель уделил особое внимание повести Гоголя «Тарас Бульба», которую в целом оценил очень высоко: «Это живая <...>, точная картина запорожских нравов. <...> Гоголь дал яркие портреты запорожцев, которые нравятся своей необычностью; <...> он не списывал их с натуры» [5, с. 6–7]. Поскольку очерк Мериме был адресован в первую очередь французским читателям, писатель объясняет, кто такие запорожцы и что представляла собой Запорожская Сечь. В частности, он называет запорожцев «странным народом», который располагался на берегах Днепра, указывает, что казаки считались номинальными подданными то польских королей, то московских царей или Османской империи, то есть Турции. Мериме воспринимает Сечь как солдатскую или флибустьерскую республику и сравнивает запорожцев с флибустьерами. Конечно, это всего лишь образная ассоциация. Флибустьеры, морские пираты XVII века, грабившие ис-

панские корабли и испанские колонии в Америке, имели мало общего с украинскими казаками, но и тех и других использовали страны-соперники в борьбе друг с другом. Мериме описывает нравы, царившие на Запорожье, и в целом даёт неоднозначную оценку запорожцам. «Будучи, в сущности, независимыми, они с полнейшим беспристрастием совершали набеги на всех своих соседей. В своих городах, похожих на кочевые лагеря, они не терпели женщин. Туда-то и отправлялись казаки, влюбленные в славу и стремившиеся приобрести выправку и научиться искусству вольных стрелков» [5, с. 7]. Он подчёркивает, что на Сечи царило «совершенное равенство». Когда Сечь отдыхала от походов, «главари, или атаманы, разговаривали со своими подчиненными, держа папаху в руках. Напротив, в походах они пользовались неограниченной властью, и непослушание кошевому атаману считалось за величайшее преступление. У наших флибустьеров XVIII в. много сходных черт с запорожцами; и в истории как тех, так и других сохранились воспоминания о чудесах храбрости и ужасных жестокостях» [5, с. 7].

Мериме воспринял «Тараса Бульбу» как картину нравов, но сама романтическая фабула повести показалась ему тривиальной, а некоторые сцены – мелодраматическими. Такая рецепция также может быть объяснена тем, что творческие принципы, которыми руководствовался Мериме, отличались от творческих принципов Гоголя. В. В. Орехов справедливо указывает, что «смысл повести французский критик усматривает в изображении «запорожских нравов», нанизанном на «романтический» сюжет, то есть придает доминирующее значение так называемому местному и историческому колориту. Тогда как для Гоголя это являлось лишь фоном для описания событий, раскрывающих народный характер» [6].

Следует признать, что Мериме не понял особенностей стиля «Тараса Бульбы». Об этом, в частности, свидетельствует такое замечание критика: «его (т. е. Гоголя – М. В.) обычный иронический стиль ещё более затрудняет чтение горестных эпизодов» [5, с. 8]. Здесь ощутимо непонимание природы гоголевской повести, в которой есть героизация казацкого прошлого, но нет ни иронии, ни сатиры, характерных для многих других произведений писателя.

В целом следует признать, что знакомство с гоголевским «Тарасом Бульбой» повлияло на Мериме. Спустя некоторое время писатель не случайно обратился к истории украинского казачества, создав очерк «Казаки Украины и их последние гетманы» (1861), а также монографию «Богдан Хмельницкий» (1863). В этих работах выразился интерес Мериме к истории Украины и её казацкому прошлому.

В очерке о Гоголе Мериме не даёт детального анализа повести Гоголя «Вий», но подчёркивает, что её фантастика «очень своеобразна». Критик передал свои читательские ощущения от чтения этого произведения: «Переход от странного к чудесному почти незаметен, и читатель таким образом оказывается в области фантастики раньше, чем успеет заметить, что покинул действительный мир» [5, с. 8]. Примечательно, что Мериме называет рассматриваемую повесть Гоголя «Царём гномов». Такое название указывает на источник, которым он пользовался, – сборник повестей Гоголя в переводе Луи Виардо. Переводчик дал повести Гоголя «Вий» двойное название,

подсказанное, очевидно, гоголевским примечанием и описанием гномов, – «Вий, или Царь гномов». Такое название приближало повесть к западному читателю, разъясняло незнакомое слово, тем более что споры о том, кто такой Вий и откуда Гоголь почерпнул этот образ, не утихают донныне.

О повести Гоголя «Записки сумасшедшего» Мериме также высказался кратко. Примечательно, что для него это «одновременно сатира на общество, сентиментальная сказка и медико-юридическое исследование явлений, возникающих в человеческой голове, потерявшей рассудок» [5, с. 8].

В качестве одной из наиболее удачных повестей Гоголя Мериме выделил повесть «Старосветские помещики». «Читая эту чудесную повесть, – пишет он, – где искусство рассказчика скрыто за простотой изложения, смеёшься и плачешь в одно и то же время. Всё в ней правдиво и естественно; нет ни одной подробности, которая не была бы прелестна и не содействовала общему впечатлению» [5, с. 9]. Критик указывает на неоднозначность образов «двух добрых старичков, мужа и жены, живущих в деревне». В его восприятии это персонажи, в которых нет ни капли хитрости, «обманываемые и обожаемые своими крестьянами»; это наивные люди, «потому что считают всех такими же счастливыми, как они сами» [5, с. 8].

В своём анализе «Мертвых душ» Гоголя Мериме подчёркивает значение этого произведения, его успех в России, а также правдивое изображение провинциальных нравов. Перед критиком стояла непростая задача – объяснить французскому читателю понятия «мертвые души», «ревизские души», «реальные души», «опекунский совет». Истолковывая смысл этих понятий, а также отдельных эпизодов поэмы, Мериме выступает в роли интерпретатора и популяризатора гоголевского текста. Он детально анализирует сюжет и характеры поэмы, уделяя основное внимание характеру Чичикова. Так, рассматривая начало поэмы, критик подчёркивает, что её герой, оказавшись в провинциальном городе, «где общая праздность обеспечивает путешественнику любезный приём, <...> делает визиты властям и влиятельным лицам в городе, играет в вист и благородно проигрывает в случае надобности» [5, с. 10]. Чичиков не хвастает своим положением и состоянием, но все догадываются, что он владеет капиталом, который может вложить в какое-нибудь дело. Мериме детально останавливается на обстоятельствах, при которых Чичиков заключает выгодную для себя сделку, и на реакции помещиков на предложение продать ему «мертвые души»: «Тщеславный дворянин отдаёт свои «мертвые души» даром, делая вид, что преподносит их в подарок. Скупец яростно спорит об их стоимости. Игрок хочет разыграть их в ладскнехт» [5, с. 10]. По мнению Мериме, каждый из героев – «большой оригинал», и Гоголь даёт нам его «верный дагерротип». Известно, что дагерротипы (снимки на металлических пластинках) были чёрно-белыми. Указанное сравнение созданных Гоголем портретов с дагерротипами представляется важным, ведь в «Мертвых душах», в отличие от ранних произведений писателя, преобладает чёрный и белый цвет.

Мериме тщательно объясняет французскому читателю, почему человек, ставший обладателем тысячи с лишним душ и собирающийся заселить ими земли в отдалённой губернии, становится популярным, почему девицы на выданье и их мамы обращают на него внимание. «Он готов сделать выбор,

– пишет критик, – когда вдруг на балу полупьяный нахал громко спрашивает у него, зачем он покупает “мертвые души”» [5, с. 11]. Напомню, что кульминацией поэмы является появление Ноздрёва на балу и его разоблачение махинаций Чичикова. «А, херсонский помещик, херсонский помещик! – кричал он, подходя и заливаясь смехом, от которого дрожали его свежие, румяные, как весенняя роза, щеки. – Что? Много наторговал мертвых?» Фразу «я не отойду от тебя, пока не узнаю, зачем ты покупал мертвые души», Ноздрёв произносит позже [2, с. 160–161].

В целом Мериме воспринял «Мертвые души» Гоголя как плутовской роман, а самого Чичикова – как мошенника. При этом ему показалась неправдоподобной не сама спекуляция героя, а способ, при помощи которого он заключал сделку по приобретению «мертвых душ». Такое восприятие объясняется разницей в ментальных представлениях: то, что для русского было привычным делом, француз воспринимал как нечто невероятное: «...Нужно быть все же негодяем, чтобы заключить подобную сделку», – пишет Мериме, неоднократно употребляя слова «негодяй» и «негодья», имеющие ярко выраженную экспрессивную окраску.

Но есть в отзыве Мериме о «Мертвых душах» похвала в адрес Гоголя, которая представляется очень важной. Он отметил, что в гоголевской поэме «нравы и портреты выписаны рукой мастера. Нужно обладать изощрённым искусством, чтобы нарисовать столько различных, забавных сцен, варьируя одну и ту же ситуацию» [5, с. 11]. Чтобы убедить французского читателя в справедливости своих наблюдений, Мериме даёт в собственном переводе эпизод пребывания Чичикова в доме Коробочки, поскольку в то время, когда писалась статья, во Франции ещё не было полного перевода этого произведения. Таким образом, и здесь критик выступает в роли популяризатора гоголевской поэмы в среде французских читателей. Он предстаёт в такой же роли, когда пишет о комедии Гоголя «Ревизор», которая в то время также не была переведена на французский язык. Перевод этого произведения Мериме осуществил позже, в 1853 году. В очерке о Гоголе он указывает, что «Ревизор» – «острая и горькая сатира», в которой есть весёлость и шутливость, автор которой «выказывает много смелости и свободолюбия, громя пороки людей, правящих страной. Он рисует их продажными, испорченными и деспотичными» [5, с. 18]. Такую пьесу, по мнению Мериме, запретили бы во Франции, французскому читателю было бы трудно понять, почему «автор старается вызвать смех по поводу негодяев, которых бы следовало препроводить в уголовный суд» [5, с. 19]. Но в России «из-за правдивости выведенных типов» она не только была поставлена, её приветствовали аплодисментами. Мериме излагает сюжет гоголевской комедии с большим мастерством, останавливаясь на отдельных деталях. Возьмём, например, эпизод, в котором Городничий, узнав от Добчинского и Бобчинского о том, что в гостинице без всякого видимого повода остановился молодой человек, который ни копейки не платит, произносит в сторону: «Батюшки, сватушки, выносите святые угодники! В эти две недели высечена унтер-офицерская жена!» [5, с. 20]. Почему так сокрушается Городничий по поводу унтер-офицерской жены, это не всегда понятно и русскому читателю, не говоря уже о читателе французском. Мериме даёт в этом месте пояснение для своего адресата: «Не

крепостную женщину запрещено было подвергать телесному наказанию» [5, с. 20]. Таким образом, он подчёркивает, что Городничий нарушил закон.

Завершая анализ гоголевской комедии, Мериме указывает, что её мораль содержится в пятом акте. Письмо Хлестакова к приятелю, распечатанное почтмейстером, читают вслух перед всеми чиновниками, «и каждый из них проглатывает свою пилюлю. <...> Среди общего изумления входит жандарм, объявляющий о приезде настоящего ревизора, который предлагает всем господам немедленно явиться к нему. Должны ли они заново давать взятки? Будут ли они смещены и получают по заслугам?» [5, с. 33]. Используя риторические вопросы, критик объясняет, что финал комедии, которая завершается немой сценой, остаётся открытым.

Перечитывая сегодня очерк Мериме о Гоголе, необходимо признать, что, несмотря на отдельные ошибочные суждения критика в оценке гоголевских текстов, автор очерка высказал много верных и весьма ценных наблюдений, касающихся особенностей их проблематики и поэтики. Да, он воспринял Гоголя по-своему, его восприятие отличалось от рецепции творчества писателя в русской критике. Оценивая статью Мериме о Гоголе сегодня, мы должны учитывать то, что она была написана в первую очередь для французского читателя. В своём очерке о Гоголе Мериме выступает как один из первых во французской культуре реципиентов, интерпретаторов, переводчиков, популяризаторов творчества русского писателя во Франции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Берковский Н. Я. Французский реализм [Электронный ресурс] / Н. Я. Берковский. – Режим доступа: <http://www.ad-marginem.ru/article49.html>
2. Гоголь Н. В. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5 : Мертвые души: Поэма / Н. В. Гоголь ; коммент. С. И. Машинского. – М. : Худож. лит., 1985. – 527 с.
3. Грифцов Б. А. Гений Бальзака [Электронный ресурс] / Б. А. Грифцов // Вопросы литературы. – М., 2002. – № 3. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature3/griftsov-02.htm>
4. Луков В. А. Мериме в России [Электронный ресурс] / В. А. Луков. – Режим доступа: <http://www.litdefrance.ru/199/754>
5. Мериме П. Статьи о русских писателях / Проспер Мериме ; пер. с фран. А. К. Виноградова. – М. : Худож. лит., 1958. – 87 с.
6. Орехов В. В. Казак-флибустьер в критике П. Мериме [Электронный ресурс] / В. В. Орехов. – Режим доступа: <http://www.levlivshits.org/index.php/materials/doklady/149-2010-10-13-14-30-56.html>
7. Проспер Мериме в русской литературе. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 399 с.

ВАЛЕНТИНА МАЦАПУРА

**П. МЕРИМЕ КАК РЕЦИПИЕНТ И ИНТЕРПРЕТАТОР ТВОРЧЕСТВА
Н. ГОГОЛЯ**

Очерк Проспера Мериме «Николай Гоголь» (1851) рассматривается в статье как образец прижизненной рецепции творчества русского писателя во Франции. Указанная работа не часто переиздавалась как в России, так и на Украине, поэтому её можно отнести к редким изданиям. В критическом очерке о Гоголе П. Мериме представил своё понимание его повестей («Тарас Бульба», «Вий», «Старосветские помещики» и др.), комедии «Ревизор» и поэмы «Мертвые души».

Автор статьи уделяет внимание полемике, которую вызвала статья французского писателя в русской периодике, подчёркивает, что Гоголь для Мериме – прежде всего юморист, мастер детали, бытописатель и художник нравов.

Анализируя зрелую прозу Гоголя и его комедию «Ревизор», критик сравнивает писателя с Аристофаном, а также констатирует связь гоголевского творчества с произведениями Ф. Рабле, В. Скотта, Э. Т. А. Гофмана. При этом наиболее детально прослеживается связь прозы Гоголя с прозой О. де Бальзака.

Анализ повести Гоголя «Тарас Бульба», сделанный Мериме, расценивается автором статьи как образец популяризации творчества писателя среди французских читателей, а также как текст, оказавший влияние на создателя очерка. Свидетельством этого является обращение Мериме к теме украинского казачества и создание им таких исторических работ, как «Украинские казаки и их последние гетманы» (1861) и «Богдан Хмельницкий» (1863).

Ключевые слова: очерк, рецензия, интерпретация, повесть, комедия, поэма.

VALENTINA MATSAPURA

P. MÉRIMÉE AS A RECIPIENT AND AN INTERPRETER OF N. GOGOL'S WORKS

The sketch by Prosper Mérimée "Nikolai Gogol" (1851) is represented in the article as the sample of inter vivos reception of the Russian writer's creative work in France. The referenced work has not often been republished either in Russia or in Ukraine; accordingly, it can be designated as a rare edition. In this critical reflection Prosper Mérimée introduced his understanding of Gogol's short novels ("Taras Bulba", "Viy", "The Old World Landowners" and others), of the comedy "The Inspector General" and the poem "Dead Souls".

The author of the article gives attention to the polemic, caused by the article of the French writer in Russian periodicals, and underlines, that Mérimée perceives Gogol principally as a comic writer, a maestro of details, portrayer of ordinary life and the artist of morals.

Analyzing mature Gogol's prose and his comedy "The Inspector General", the critic compares the writer with Aristophanes, as well as states the connection of Gogol's creative work with the writings by François Rabelais, Walter Scott, Ernst Theodor Amadeus Hoffmann. Thereat, the connection of Nikolai Gogol's prose with Honore de Balzac's prose is being traced in great detail.

The analysis of Gogol's short-novel "Taras Bulba", carried out by Mérimée, is interpreted by the author of the article as the sample of popularization of the writer's creation among the French readers, and also as the text, which exercised influence on the sketch-creator. This is proved by the fact, that Mérimée turned to themes about the Ukrainian Cossacks and created such historical works, as "Ukrainian Cossacks and Their Kast Hetman" (1861) and "Bohdan Khmelnytsky" (1863).

Key words: sketch, reception, interpretation, short novel, comedy, poem.

Одержано 24.11.2016 р.